

того века», Россия, цветущая подобно «райскому крину» в «эдемском саду», постоянные параллели между Екатериной и Павлом, с одной стороны, и Петром I — с другой; призывы к Павлу быть достойным своей матери, и проч. Большое количество примеров понадобилось потому, что анализ в общем очень устойчивых приемов и формул одической поэзии еще не сделан. В жанре со стабильной образной системой повторения были неизбежны. Неоригинальность Чулкова выражается не столько в повторении уже известного, сколько в том, что у него прием утрачивает внутреннее содержание. В устах сторонников переворота 1762 г. мысль о Екатерине II как спасительнице отечества получала глубокое значение и последовательно обосновывалась. Столь же серьезно звучала шедшая от Ломоносова тема Петра. Даже попытка представить Екатерину защитницей русского православия от посягательства иноземцев при Петре III являлась важным пунктом политической программы для Ломоносова в 1762 г.¹⁵ Комиссия 1767 г. также вызвала ряд программных выступлений русских поэтов. У Чулкова ни одна тема не развивается последовательно и самостоятельно, все они даны в общем перечне.

Более поздние опыты Чулкова в высоком роде поэзии неизвестны. Вряд ли они и были. К 1769 г. относятся насмешки над одами в его первом журнале «И то и сьо». Самые резкие из них находятся в «Плачевном падении стихотворцев», сатирической поэме в бурлескном стиле. Однако не меньшего внимания заслуживают в этом отношении и появившиеся в более ранних номерах «Стихи на качели». Здесь дважды пародируется одический стиль, с которым, как мы теперь знаем, Чулков был знаком на собственном опыте. В связи с этой маленькой бытовой зарисовкой пасхального гулянья Б. В. Томашевский писал: «Она полна намеков на литературные факты. Намеки эти были и в свое время туманными. Теперь многие из них вскрыть невозможно». Главными объектами нападок Чулкова он же называет В. Майкова и В. Петрова,¹⁶ тем более что и они сами считали Чулкова своим неприятелем. Но метод цитатных сближений при устойчивых литературных приемах, как мы видели на примере од, не всегда дает достоверные результаты. Как отметил сам Б. В. Томашевский, несмотря на близость стиха «Нептун из проруби выходит гогольком» к тексту «Елисея», его нельзя считать намеком на Майкова, так как поэма была начата лишь год спустя. В жаркой полемике 1769 г. как личный выпад могли быть восприняты и высказывания общего характера. Так, например, не исключено, что «Стихи на качели» в целом рассматривались как бурлескная пародия на скандально известную «Оду на карусель» (1766) В. Петрова, а строки «И громко и умно да возвещает миру. Что солнце из шаров горящих состоит» и последующие могли напо-

¹⁵ См. там же, с. 171, 174.

¹⁶ Ирон-комическая поэма. Л., 1933, с. 712.